

Л Е О Н И Д

МЛЕЧИН

ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

ВЕЛИКАЯ
ВОЙНА
НЕ ОКОНЧЕНА



Леонид Михайлович Млечин

Великая война не окончена.

Итоги Первой Мировой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11614339

Великая война не окончена. Итоги Первой мировой. / Млечин Л.М.:

Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-06093-8

Аннотация

Первая мировая война, которую в Европе именуют Великой, определила судьбу человечества больше чем на столетие. В своей новой книге, опираясь на многочисленные свидетельства участников тех драматических событий и лишь недавно преданные гласности архивные документы, Л. Млечин в увлекательной и захватывающей манере описывает не только причины, породившие кровопролитную войну, но и, главное, ее последствия. Если бы не Первая мировая, Российская империя бы не рухнула, не было бы революции. В Германии не пришел бы к власти Гитлер и не развязал бы Вторую мировую. Первая мировая отодвинула на периферию старые европейские страны. На авансцену вышли большевистская Россия, которая считала враждебным весь окружающий мир, и Соединенные Штаты, превратившиеся в мировую супердержаву. Франция и

Англия, боясь новой войны, предпочли политику нейтралитета. Балканы по-прежнему раздирает ненависть братских народов. Условно проведенные на Ближнем Востоке границы и по сей день порождают бесконечные конфликты. Последствия Первой мировой во многом определили судьбу даже далеких от Европы азиатских и африканских государств...

Содержание

Разная память	5
Часть первая	11
Два выстрела из браунинга	16
Телеграмма Николая II	21
Престарелые лунатики	25
Кайзер выписал чек	27
Садисты и богатыри	42
Силы были равны	53
Усташи и четники	56
Сербы, хорваты и босняки	62
На родине Гаврилы Принципа	65
Страна ненависти и страха	67
Бюст от Кустурицы	70
Распад и развал империи	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Леонид Млечин

Великая война не окончена.

Итоги Первой мировой

Разная память

Вместо предисловия

После смерти последних участников Первой мировой войны она из людской памяти окончательно перешла в историю. Но не канула в Лету. Ее последствия – не только шрамы на политической карте мира. Война не решила ни одного из противоречий, раздиравших Европу того времени, хуже того – лишь усугубила их, да еще и посеяла семена новых конфликтов, пылающих и по сей день.

Европа уже не смогла вернуться в то благополучное состояние, в каком пребывала в начале века. Когда вспыхнула Первая мировая, началось сползание континента с высот политического, военного, экономического и культурного лидерства. Самая низкая, поистине трагическая отметка – приход к власти нацистов.

Тридцать стран участвовали в Первой мировой войне, которая продолжалась с лета 1914 по осень 1918 года. 65 мил-

лионов человек надели военную форму. Каждый шестой погиб. Миллионы вернулись домой израненными или инвалидами. И миллионы скончались в тылу от голода и болезней.

Первая мировая была кровавой бойней, хотя за полвека до этого в Китае во время Тайпинского восстания убили от 20 до 30 миллионов человек! Но Китай – далеко. Западные европейцы понесли в Первой мировой самые большие потери за всю свою историю и потому именно эту войну именуют «великой». В Первую мировую погибло вдвое больше британцев, втрое больше бельгийцев и вчетверо больше французов, чем во Вторую мировую.

– Когда я вижу список потерь, – печально сказал тогдашний британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж, – то думаю: зачем нам было одерживать все эти победы?

Характерно, что у Европы и сегодня нет единой памяти о великой войне.

Франция не забыла погибших. Воспоминания о Первой мировой – жизненно важный элемент современного национального самосознания. Тогда под ружье призвали восемь миллионов человек. Погибли почти полтора миллиона. Это почитаемые в стране герои.

Для французов победа в Первой мировой – такая же славная страница, как и великая революция 1789 года. Для политиков каждая годовщина войны – желанная возможность призвать соотечественников к национальному единству, мужеству и готовности идти на жертвы во имя родины. Фран-

ция боится отстать в конкурентной борьбе, идущей в глобализованной экономике, и ищет внутренней опоры в памяти о великой войне. Образ героического солдата помогает Франции, испытывающей кризис национальной идентичности. Эта память объединяет левых и правых, пацифистов и ястребов, европейских идеалистов и националистов.

В отличие от США, Канады, Британии и Франции, где пышно хоронили последних ветеранов Первой мировой, в Германии их не замечали. Первая мировая ушла из немецкой коллективной памяти, вытесненная Второй мировой и холокостом.

Что касается нашей страны... Погибло на поле боя, умерло от ран и пропало без вести более двух миллионов солдат русской армии. Но большевики когда-то называли войну «империалистической» и вычеркнули ее из истории.

Вообще говоря, во всей Европе в большинстве семей кто-то участвовал в Первой мировой. Они писали письма с фронта – ныне бесценный исторический источник. В какой-то степени это была самая «литературная» война. После Первой мировой произошли серьезные перемены в культурной жизни, в философии, социологии, начиная с понимания психологии войны.

Но российский образованный класс погиб или покинул страну. Русская философия, литература и искусство даже не успели осмыслить эту войну, как это произошло в Западной Европе и Северной Америке.

Антивоенный роман Анри Барбюса «Огонь» вышел еще в разгар военных действий. Эрнест Хемингуэй, который служил водителем на итальянском фронте и был ранен, Джон Дос Пассос, Скотт Фицджеральд, Томас Элиот – это те, кого Гертруда Стайн назвала «потерянным поколением». Они были жертвами Первой мировой – вне зависимости от того, участвовали ли в ней сами. Они же и запечатлели ее уникальный духовный опыт. Йозеф Рот в Австрии написал роман «Марш Радецкого». Ярослав Гашек в Чехословакии – «Похождения бравого солдата Швейка». Эта литература потом станет открытием для русского читателя. Собственной почти не оказалось: Первую мировую вытеснили революция и Гражданская война. Для нас Первой мировой словно и не существовало.

Историки за сто лет не пришли к единому выводу относительно того, кто виновен в начале войны. Одни клеймят кайзеровскую Германию. Другие говорят о роковой системе соперничества, союзов и альянсов, когда одни империи клонились к упадку, как Австро-Венгрия и Оттоманская, другие стремительно набирали силу – Россия и Германия, что само по себе вело к противостоянию. В 1914 году властители переоценивали значение военной силы и невероятно недооценивали экономическую мощь.

Война продолжалась четыре с половиной года. Распространилась по всей Европе, захватила Ближний Восток, Азию и даже Африку. И фундаментально изменила совре-

менный мир. Низвергла кайзеров, королей, царей и султанов, уничтожила целые империи. Появились химическое оружие, танки и военная авиация.

Независимость получили центральноевропейские государства, образовавшиеся на развалинах империй, не переживших войну. Возникли новые страны на Ближнем Востоке – с границами, не признанными соседями.

Великая война стала катастрофой для России. Если бы не Первая мировая, не случилась революция и Гражданская война, наша страна развивалась бы эволюционно и миллионы людей не погибли бы во имя строительства коммунизма. Вообще история человечества пошла бы иным путем.

Конечно, Фридрих Ницше предсказывал, что XX век станет веком великих войн, которые будут вестись во имя философских доктрин. Но не будь Первой мировой, тотальные идеологии не играли бы такой роли, не возникали бы диктатуры.

Первая мировая война стала ненужной и бессмысленной бойней. Это было саморазрушение Европы, приведшее к гибели немалой части европейской молодежи. Война положила конец уверенности Европы в собственных силах. Первая мировая породила массовое разочарование, которое десятилетиями определяло настроения западного общества. Великая война перечеркнула саму идею прогресса.

По мнению некоторых историков, последствия Первой мировой оказались столь катастрофическими оттого, что

Германия потерпела поражение. Если бы не Антанта, а кайзер Вильгельм II выиграл войну, Адольф Гитлер не стал бы канцлером, не началась бы Вторая мировая... А что стало бы с Францией и Англией, если бы они проиграли? Лишились бы своих колоний. Не такая уж беда.

Война определила судьбу человечества больше чем на столетие. Отодвинулись на второй план старые европейские державы. Выдвинулись две страны: большевистская Россия, которая считала враждебным весь окружающий мир, и Соединенные Штаты, превратившиеся в мировую супердержаву. Франция и Англия, боясь новой войны, приняли политику умиротворения агрессоров: пусть делают что хотят, лишь бы нас не трогали. Балканы по-прежнему раздирает ненависть братских народов. Условно проведенные на Ближнем Востоке границы и по сей день порождают бесконечные конфликты.

Демоны, породившие Первую мировую войну, никуда не исчезли.

Часть первая

Балканы. Кровавый спор славян между собой

Все пойдет насмарку из-за какой-то нелепости на Балканах, предсказывал Отто фон Бисмарк, железный канцлер и объединитель Германии. Великая война началась с убийства наследника австро-венгерского престола в боснийском городе Сараево в ясный воскресный день 28 июня 1914 года.

Боснию сербы считали своей землей, когда-то она была частью Сербского королевства, да и Сараево до завоевания города турками называлось иначе.

Турецкая оккупация сербских земель после исторической битвы на Косовом поле в 1389 году оставила тяжелый след. Лишь спустя несколько веков Сербия изгнала турок со своей земли и с той поры ощущала себя единственной защитницей интересов всех южных славян.

Вообще-то Сербия не желала войны с Австро-Венгрией. Даже тайная организация сербских офицеров «Черная рука» («Единство или смерть») высказалась против покушения на эрцгерцога.

Франц-Фердинанд был племянником и наследником престарелого императора Франца-Иосифа I. Через несколько лет он должен был взойти на трон. Женатый на чешке, эрц-

герцог намеревался изменить к лучшему положение славян в Австро-Венгрии.

Население Вены составляло два миллиона. Много было выходцев из Богемии – поэтому чешский язык звучал наравне с немецким. Гимн Австро-Венгрии перевели на все языки империи. Офицеры австрийской армии обязаны были уметь отдавать команды на одиннадцати языках, не считая немецкого. Император предоставил всем народам равные права, и в Вене стали заметны евреи, которые могли получать высшее образование.

Столица империи была в начале XX века одним из самых привлекательных городов Европы. В 1913 году Адольф Гитлер, Иосиф Сталин, Лев Троцкий и Зигмунд Фрейд оказались в одном и том же городе – это была Вена. А молодой Иосип Броз, впоследствии глава единой Югославии маршал Тито, работал тогда на автомобильном заводе Даймлера в Винер-Нойштадте, рядом с Веной.

В январе 1913 года Сталин прибыл на Северный вокзал Вены. С чемоданом в руке пришел в дом, где случайно встретил Троцкого. Гитлер обитал в ночлежке на Мельдерманн-штрассе. Фрейд практиковал на улице Берггассе, 19, здесь сейчас открыт его музей. Во дворце Хофбург жил император, который правил Австро-Венгрией с 1848 года. А во дворце Бельведер ждал своего часа наследник престола Франц-Фердинанд.

В 1867 году после поражения в войне с Пруссией Австрия

достигла компромисса с Венгрией. Договорились о превращении империи в дуалистическую монархию. 8 мая 1867 года австрийский император Франц-Иосиф в Будапеште возложил на себя и венгерскую корону. Что это изменило в жизни империи?

Появились два парламента – в Вене и Будапеште. У Австро-Венгрии была единая армия, общая внешняя политика и почтовые марки. Бюджет согласовывался двумя парламентами, в остальном обе части империи оставили за собой почти полную свободу действий. Австрия управляла землями, населенными немцами, а также Словенией, Богемией и Моравией, а Венгрия – Словакией и Хорватией. Венские власти считались более просвещенными и либеральными. Венгрия была более отсталой частью империи. Под венгерской рукой жить было тяжелее. Так что Словакии, входившей в состав Венгрии, приходилось хуже, чем чехам под властью австрийцев.

Тридцать шесть процентов населения Австро-Венгрии составляли немцы, двадцать четыре – чехи, семнадцать – поляки, двадцать один – сербы, хорваты, словенцы и русины. Остальные – венгры, румыны и итальянцы...

Но власть в империи была только у австрийцев и венгров; это не могло продолжаться до бесконечности. Эрцгерцогу Францу-Фердинанду не нравилось высокомерие венгерских властителей, проводивших политику мадьяризации национальных меньшинств. Он предполагал уравновесить влия-

ние венгров созданием внутри империи еще и королевства южных славян.

Германский кайзер Вильгельм II высокомерно говорил:

– Славяне рождены не для того, чтобы править, а для того, чтобы подчиняться.

Эрцгерцог думал иначе. Франц-Фердинанд желал хороших отношений с Россией. Убивать его было не только преступно, но и глупо. Но на Балканах эмоции часто берут верх над разумом.

Сербские националисты, люди очень молодые, пылкие и темпераментные и не слишком образованные, желали жестоко отомстить династии Габсбургов. В 1878 году договор, заключенный после очередной Русско-турецкой войны, передал Боснию и Герцеговину под управление Австро-Венгрии. В октябре 1908 года Вена уже формально аннексировала Боснию. Сербы возмутились – это наша земля и часть нашего народа!

Тогда в Санкт-Петербурге и либералы, и консерваторы потребовали выступить «на защиту братьев-славян» и объявить войну Австрии. Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин поехал в Царское Село к Николаю II. Вернувшись, рассказал начальнику Петербургского охранного отделения жандармскому генералу Александру Васильевичу Герасимову:

– Сегодня мне удалось спасти Россию от гибели. Царь сообщил мне о своем решении дать согласие на мобилизацию

трех военных округов против Австрии. С большим трудом убедил его величество, что этот шаг неизбежно повлечет за собой войну с Германией и что эта война грозит самому существованию и династии, и империи.

Тогда война была предотвращена. В 1914 году Столыпина уже не было...

Два выстрела из браунинга

На эрцгерцога Франца-Фердинанда, который приехал в Сараево, охотились шесть террористов; у них было четыре пистолета и шесть бомб, полученных, как установил суд, от офицеров сербской разведки. Первым должен был метнуть бомбу Мохаммад Мехмедбашич. Но он сплоховал, не нашел в себе силы участвовать в убийстве.

Бомбу – это было примерно в четверть одиннадцатого утра – бросил Неделько Габринович. Промажнулся! Она взорвалась под колесами другой машины, ранила двух офицеров свиты и нескольких прохожих. Габринович пытался покончить с собой, но его схватили.

Похоже, шока не испытал только сам наследник престола. Жена его племянника Зита Бурбон-Пармская, которой суждено будет со временем стать последней австрийской императрицей, запомнила давний разговор с Францем-Фердинандом.

Когда его супруга София ушла, чтобы уложить детей, наследник престола вдруг произнес:

– Должен кое-что вам сказать... Меня убьют!

Зита и ее муж Карл в ужасе посмотрели на Франца-Фердинанда. Карл попытался возразить, но наследник строго произнес:

– Не надо ничего говорить! Я точно это знаю. Через пару

месяцев я буду мертв.

Несколько секунд царила тишина, потом он тихим, спокойным голосом добавил, обращаясь к Карлу:

– Я оставил для тебя в своем сейфе кое-какие бумаги. После моей смерти прочти их. Может быть, они окажутся полезными.

Франц-Фердинанд не родился наследником престола. Он был всего лишь племянником императора и не мог надеяться на корону. Но в 1889 году единственный сын Франца-Иосифа 30-летний кронпринц Рудольф покончил с собой в охотничьем домике Майерлинг вместе со своей семнадцатилетней любовницей баронессой Марией фон Вечера. Следующий в наследственной цепочке младший брат императора Карл-Людвиг отказался от права на трон. Вот тогда наследником и был провозглашен его сын Франц-Фердинанд.

Он был человеком упрямым, своевольным, гордым. С бурным темпераментом – в его жилах текла и сицилийская кровь. Женился по любви на чешской графине Софии Хотек. Влюбленно говорил:

– Она моя жена, мой советник, мой ангел-хранитель, мое счастье.

Но в ее жилах не было королевской крови. Для наследника престола подобный союз непозволителен. Император не одобрил морганатический брак, но даровал Софии титул княгини фон Гогенберг. Она родила мужу дочь и двоих сыновей.

Отметим важную историческую деталь. Все трое при нацистах окажутся в концлагере Дахау: сыновья убитого сербским националистом эрцгерцога были принципиальными противниками нацизма.

Сам наследник престола, хотя занимал пост генерального инспектора вооруженных сил Австро-Венгрии и постоянно занимался военными делами, считал гибельным для империи участие в европейском конфликте. Он-то признавал и реальное состояние вооруженных сил страны, и хрупкость ее политической системы...

Что бы ни говорили о Франце-Фердинанде – считалось, ему не хватало обаяния, харизмы, – но смелости ему точно было не занимать. Другие политики – после того, как в них бросили бомбу, – постарались бы исчезнуть с глаз людских, укрыться в безопасном месте, окружить себя хорошей охраной. Эрцгерцог же нисколько не испугался. Он наведлся в городскую ратушу, где упрекнул мэра:

– Что же у вас в меня бомбы бросают?

И отправился в больницу навестить тех, кого утром ранило при взрыве брошенной в него бомбы. Велел шоферу ехать медленно, чтобы его все видели. Войска не вывели на улицы, эрцгерцога сопровождала только скромная полицейская охрана.

А террорист по имени Гаврило Принцип пребывал в тоске: ничего не вышло! Он торчал на улице возле продовольственного магазина и вдруг увидел, как прямо у него под

носом разворачивается открытый автомобиль эрцгерцога. Невероятная, роковая случайность! Если бы он ушел раньше. Если бы водитель выбрал иной маршрут.

Гаврило Принцип бросился к машине и открыл огонь из браунинга калибра 7,64 мм. Он был очень плохим стрелком, приятели над ним смеялись. На сей раз он стрелял буквально в упор. И не промахнулся.

Первая пуля угодила в графиню Софию Хотек, жену эрцгерцога, которую тот безумно любил. Смертельно раненная, она сползла вниз. Эрцгерцог в отчаянии закричал:

– Ради детей – не умирай!

Вторая пуля перебила Францу-Фердинанду сонную артерию. Они оба истекли кровью.

Гавриле Принципу было девятнадцать лет. Он состоял в обществе «Молодая Босния», мечтавшем о воссоединении с Сербией. Гаврилой Принципом и его друзьями, радикальными националистами, руководили не только ненависть к австрийцам, но и более глубокие чувства: презрение к западным ценностям и западному миру и обида за экономическую отсталость Сербии.

Суд над ним начался, когда Первая мировая уже пылала. Процесс продолжался двенадцать дней. Принцип был несовершеннолетним, его не могли приговорить к смертной казни. Дали двадцать лет каторжных работ.

А в самой Сербии судили за государственную измену и приговорили к смертной казни руководителей «Черной ру-

ки», которая подготовила теракт в Сараеве. Глава этой тайной организации, он же начальник сербской разведки полковник Драгутин Дмитриевич, был расстрелян на рассвете 23 мая 1917 года.

Гаврилу Принципа отправили в тюрьму города Терезиенштадт. Относились к нему строго. Держали в крохотной камере, темной и мрачной. Общаться с другими заключенными запрещали. Он никого не видел, кроме своих тюремщиков. На прогулку – полчаса в день – выводили отдельно от других узников. На ночь надевали кандалы. Он несколько не сожалел о содеянном, считал, что участвовал в справедливом деле.

Как и убитый им эрцгерцог, Принцип болел туберкулезом. В камере его состояние ухудшилось. Его перевели в госпиталь, и он скончался за решеткой в 1918 году, не увидев, что сотворили с Европой – и с его собственной страной! – две пули, выпущенные из его браунинга.

Тело Гаврилы Принципа тайно зарыли на кладбище под городом. В 1920 году его останки перевезли в Сараево и перезахоронили в одной из церквей.

Телеграмма Николая II

Симпатии европейских властителей были на стороне Габсбургов. В другое время монархи со всего континента собрались бы на траурную церемонию. Но 83-летний император Франц-Иосиф, дядя убитого, решил покончить с сербским национализмом, который считал угрозой своей империи. Он находился на престоле уже шестьдесят шесть лет и несколько раз собирался начать войну против Сербии. Убийство наследника престола подтверждало слова его советников, которые настаивали: сосуществование с Сербией невыносимо. Начались антисербские демонстрации, которые переросли в погромы.

«На сербов по всей Австрии со дня объявления войны была устроена форменная облава, – сообщало русское генконсульство в Вене, – за ними охотились и в домах, и на улице, немедленно арестовывали и заключали в тюрьмы, так что через два-три дня на свободе ни одного серба, кроме их жен и детей, не оказалось».

Покойный эрцгерцог Франц-Фердинанд возражал против войны, но именно его смерть стала поводом для войны...

В Санкт-Петербурге российский министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов сказал своему помощнику, что необходимо «предупредить Австрию о решимости России ни в каком случае не допустить посягательства на неза-

висимость Сербии». Министр предупредил австрийского поверенного в делах:

– Не вступайте на этот путь. Он опасен.

После разговора с послом Австро-Венгрии успокоился: «австро-венгерский посол поручился за миролюбие своего правительства и был кроток как ягненок».

Сазонов велел и послу в Вене «дружески, но настойчиво» обратить внимание министра иностранных дел Австро-Венгрии «на опасные последствия, к которым может привести подобное выступление, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер».

Австро-Венгрия предъявила Сербии ряд требований. Сербский посол в Вене Йован Йованович переслал текст ультиматума в свое министерство. Белград принял все, кроме одного – допустить австрийских представителей к участию в расследовании заговора с целью убийства эрцгерцога. Это и стало поводом для начала мировой войны. Рухнули четыре империи, погибли миллионы людей. И все ради того, чтобы не пустить австрийских полицейских в Белград?..

Сербский принц-регент Александр Карагеоргиевич телеграфировал Николаю II: «Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше Величество оказать нам помощь как можно скорее».

Николай II ответил: «Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же вопреки нашим искренним же-

ланиям мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверенным в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии».

Телеграмма российского императора имела трагические последствия, в том числе для ее отправителя. Результатом Первой мировой стали революция и расстрел императорской семьи.

Сербию поддержала и Франция. Две статуи югославских королей – Петра I и Александра I – стоят в Париже на той самой улице, где потом будет находиться штаб-квартира НАТО, пока президент Шарль де Голль не выставит ее из Франции в 1966 году.

В Бад-Ишле, курортном австрийском городке, который летом превращался в столицу империи, Франц-Иосиф I подписал манифест «Моему народу» – объявление войны Сербии. Это еще было всего лишь столкновением двух стран. Но австрийские корабли, пришедшие к сербской столице по Дунаю, обстреляли Белград. 31 июля в Санкт-Петербурге приняли решение о всеобщей мобилизации. Тогда Германия объявила войну России. Война превратилась в мировую.

Николай II подписал манифест: «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взидала на их судьбу безучастно... Ныне предстоит уж не заступиться только за несправедливо обиженную, родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди вели-

ких держав».

В Санкт-Петербурге после молебна открылось совместное заседание Государственной думы и Государственного совета, на котором и объявили манифест.

Сочувствие сербам при дворе считалось признаком хорошего тона. Для царской России Сербия была лишь сферой влияния. Но прозаические интересы облекались в изящную форму уверений во взаимной любви и духовном единстве. Для царской России больший интерес представляла Болгария, потому что союз с ней помогал обеспечить русскому флоту выход в Средиземное море через проливы Босфор и Дарданеллы. Геополитика важнее эмоций. В 1877 году, когда после очередной Русско-турецкой войны подписывался Сан-Стефанский мирный договор, Россия легко согласилась передать сербские земли Болгарии.

Историки отмечают: со второй половины XIX века сербская внешняя политика взяла за правило втягивать Россию во все конфликты. Но вот что характерно: используя нашу страну на полную катушку, Сербия перебиралась в лагерь противников России.

Престарелые лунатики

Чем больше читаешь мемуаров и книг о Первой мировой, тем отчетливее понимаешь, что никто из руководящих мужей не понимал, куда ведет свою страну. Они, так сказать, соскользнули в войну или, говоря иначе, спотыкаясь, словно лунатики, рухнули в нее – по глупости! Впрочем, возможно, не только по глупости. Войны хотелось – не такой страшной, конечно, а небольшой, славной и победоносной.

Германский кайзер Вильгельм II, британский король Георг V и царь Николай II были кузенами. Встречались на семейных торжествах. В последний раз за год до войны! На свадьбе дочери кайзера – Виктории-Луизы (она вышла замуж за герцога Брауншвейгского) – в Берлине в 1913 году. Российский и немецкий властители именовали друг друга по-свойски – Ники и Вилли. В какой-то степени это была братоубийственная война...

Судьба Европы тем летом зависела от нескольких сотен человек – монархов, министров, генералов и дипломатов. Очень пожилые люди, они жили старыми представлениями, мыслили в категориях рыцарственного и куртуазного XVIII века. Представить себе не могли, что игра идет по новым правилам и новая война ничем не будет напоминать конфликты ушедшего XIX века. Можно говорить и о подстрекателях конфликта – это прежде всего военная элита, кото-

рая сознательно вводила руководителей своих государств в заблуждение.

Все великие державы внесли свой вклад в развязывание Первой мировой. Потому как в основном заботились о собственном престиже, боялись утратить влияние и политический вес. Исходили из того, что великодержавные интересы важнее мира.

Франция видела, что проигрывает гонку вооружений Германии, и нуждалась в союзниках. Антанта (*Entente cordiale*) – «Сердечное согласие», так называлось заключенное в 1904 году соглашение между Францией и Англией. Через три года к ним присоединилась Россия.

Германия боялась стремительного индустриального роста России и спешила нанести превентивный удар. В Лондоне опасались, что развитие германского рейха угрожает самому существованию Британской империи. Германия поддерживала Австро-Венгрию и Османскую империю, а Британия считала их противниками. В этом заключалась трагедия Европы: каждое действие рождало противодействие. Приобретаешь союзника, тут же обнаруживается непримиримый враг. А небольшие государства, вроде Сербии, стравливали великие державы между собой и выступали в роли детонатора.

Кайзер выписал чек

Мало того что император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I потерял единственного сына, покончившего с собой. Его жену императрицу Елизавету в сентябре 1898 года убил итальянский анархист Луиджи Луккени.

83-летний император конечно же сознавал, какую опасность для него представляет вмешательство России на стороне славянских братьев в случае австрийской атаки на Сербию. Он занимал трон шестьдесят шесть лет, но нуждался в хороших советах.

Генерал граф Конрад фон Хётцендорф, начальник Генерального штаба вооруженных сил Австро-Венгрии, успокаивающе телеграфировал императору, что подчиненные ему войска готовы наказать сербов. Но это было не так. Граф ненавидел сербов, но знал, что его армия ослаблена Балканскими войнами и не готова к новой схватке.

Элегантный министр иностранных дел граф Леопольд фон Берхтольд сомневался относительно разумности акции отмщения. Премьер-министр королевства Венгрии Иштван Тиса побаивался ответных действий России, призывал Франца-Иосифа к осторожности. И был прав. Война разрушит империю, и 31 октября 1918 года взбунтовавшиеся солдаты убьют бывшего премьер-министра Венгрии.

В этой атмосфере неуверенности, неопределенности и со-

мнений министр иностранных дел Берхтольд предложил военное решение, но не войну. Ограниченный контингент австро-венгерских войск входит в Белград – это и будет достаточным наказанием сербов. Генерал Хётцендорф высмеял главного дипломата. Надо или объявлять мобилизацию и воевать по-настоящему, или вообще отказаться от применения силы, потому что, если на стороне Сербии выступит Россия, Австро-Венгрия не успеет подготовиться к серьезным боевым действиям.

Генерала Хётцендорфа, как и всех в Вене, интересовало одно: могут ли они рассчитывать на помощь Германии, если Россия и в самом деле выступит против Австро-Венгрии?

Империя Франца-Иосифа простиралась от Инсбрука на западе до Карпат на востоке и от Праги до границ с Сербией и Черногорией.

– Я монарх старой школы, – повторял Франц-Иосиф, который, кажется, никогда не снимал военного мундира.

Но его империя уже давно не была арбитром европейских дел, как во времена князя Меттерниха, министра иностранных дел Австрии первой половины XIX века.

За год до войны, в один майский день 1913 года, пятеро австрийских офицеров присоединились к полковнику Альфреду Редлю в обеденной комнате одного из венских отелей. Редль несколько лет руководил информационной службой (контрразведка) вооруженных сил, потом был начальником штаба 8-го армейского корпуса, расквартированного в

Праге. В армейских кругах шушукались, что полковник ради своих требовательных любовников – как правило, молодых офицеров – выдавал секреты российской разведке. Считается, что за деньги. У него были большие траты – он купил себе лимузин «даймлер» стоимостью в шестнадцать тысяч крон, да и партнеры в постели обходились ему недешево.

Желая избежать скандала, офицеры пригласили его в ресторан отеля «Кломзер» и предложили покончить с собой. Редль согласился. Ему принесли «браунинг». Одного человека оставили за дверью, остальные ушли и пили кофе до пяти часов утра, дожидаясь, когда полковник пустит себе пулю в лоб. Сохранить эту историю в тайне не удалось. 29 мая венские газеты сообщили о самоубийстве и предательстве полковника Альфреда Редля. Только тогда обо всем рассказали императору. Вся эта история была свидетельством слабости армии.

Франц-Иосиф обратился к кайзеру Вильгельму II с личным письмом. Запросить мнение Германии – означало еще и оттянуть принятие окончательного решения. 5 июля 1914 года австрийский посланник – глава личной канцелярии императора граф Александр Хойос – приехал к Вильгельму в его новый дворец в Потсдаме.

Он обнаружил кайзера в превосходном настроении. Тот собирался в ежегодный круиз по Балтике. Гость и хозяин вместе прогулялись по парку в Потсдаме. К ним присоединились германский рейхсканцлер Теобальд фон Бетман-Холь-

вег и статс-секретарь министерства иностранных дел Артур Циммерман.

Разыгрывался традиционный сценарий мировой политики: более слабая страна – Австро-Венгрия – втягивала в региональный конфликт сильного союзника – Германию. Такие попытки Вена предпринимала не раз. Но немцы прежде нажимали на тормоза.

А что же случилось летом 1914 года?

В Берлине испытывали страх перед «русским паровым катком». Германские генералы предпочитали – раз уж война рано или поздно все равно разразится – нанести удар побыстрее, пока Россия не укрепилась. «Лучше сейчас, чем потом», – гласил лозунг генерала Хельмута фон Мольтке-младшего, который в 1906 году принял на себя обязанности начальника Генштаба.

20 мая 1914 года Мольтке поделился своим видением ситуации со статс-секретарем министерства иностранных дел Готлибом фон Яговом:

– Перспективы приводят в уныние. Через два-три года Россия закончит перевооружение. После этого военная мощь наших противников станет настолько большой, что неизвестно, каким образом Германия сможет властвовать. Сейчас мы еще как-то их превосходим. По моему мнению, не останется ничего иного, как вести превентивную войну, чтобы ослабить противников, пока Германия еще может выстоять в этой борьбе.

Быстро разгромить Францию и Россию, а с Англией договориться – такой сценарий рисовался канцлеру Теобальду фон Бетман-Хольвегу. В Берлине исходили из того, что Лондон сохранит нейтралитет. И англичане достаточно долго позволяли немцам пребывать в этом приятном заблуждении.

Большую часть своей истории Германия была расколота. Единая страна появилась только в XIX веке. В 1815 году, после Наполеоновских войн, возникла германская конфедерация, в нее вошли Австрия, Пруссия, четыре королевства (Бавария, Саксония, Вюртемберг, Ганновер) и тридцать два небольших государства, некоторые из них состояли всего из одного города. Но конфедерация просуществовала недолго.

Вдохновителем нового объединения германских государств – на совсем иных основаниях – стал Отто Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен, выпускник юридического факультета Гёттингенского университета. В 1859 году молодой Бисмарк уехал посланником в Россию, а в 1862-м стал главой правительства и министром иностранных дел Пруссии.

Он объединял немцев железной рукой. В июне 1886 года Пруссия распустила конфедерацию и ввела войска в Саксонию, Ганновер и Гессен. А Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт вынуждены были вступить с Пруссией в военный и таможенный союз. В 1871 году Вильгельма I провозгласили императором Германии, Бисмарк стал его первым канцлером.

Австрия же, отделенная от других немецкоговорящих стран, создала свою Австро-Венгерскую империю. Живущие в ней немцы в ту пору разошлись во мнениях – хорошо ли это; одни стали австрийскими патриотами, другие не понимали, почему отделены государственной границей от своей родины Германии.

Единая Германия сложилась из тридцати девяти отдельных частей. Полное единство еще не было достигнуто. Даже армия состояла из полков, носивших различную форму. Германия оставалась лоскутной страной. Католический юг и протестантский север, аграрный восток и промышленный запад. Эти различия носили отнюдь не формальный характер. Юноше из евангелической семьи непозволительно было жениться на католичке (и наоборот), это означало утрату доверия со стороны соседей и сослуживцев.

Вильгельм II унаследовал трон в 1888 году от своего деда, более благоразумного политика. Кайзер воспринимал мир как сцену, на которой он может проявить себя в любимом одеянии – военном мундире. Тщеславный, импульсивный, склонный к театральности и властный по характеру, он считал, что ведет страну к величию. Левая рука Вильгельма была слабой от рождения. Зато он натренировал правую. Когда пожимал руку посетителям, некоторые вскрикивали от боли.

Он был человеком настроения. Иногда беспричинно впадал в эйфорию, иногда по непонятной причине его мучили сомнения. Приступы депрессии сменялись параноидаль-

ной агрессивностью. Если ему не нравились принесенные новости, впадал в ярость. Его министрам приходилось с ним трудно.

Другом его детства был князь Филипп цу Ойленбург, гомосексуалист, оттого и пошли разговоры, будто кайзером манипулируют поклонники однополрой любви.

Вильгельм II рисовал, писал стихи, ставил спектакли в придворном театре и даже дирижировал оркестром. При этом обожал армию, но мало что понимал в военных делах. Говорили, что он не смог бы командовать и ротой.

Отто фон Бисмарк за глаза именовал его воздушным шариком, который следует крепко держать на веревочке, не то унесет его неизвестно куда. Но кайзер буквально через год после вступления на трон избавился от железного канцлера. И больше некому было сдерживать Вильгельма.

В Германии существовал парламент – рейхстаг. Кайзер ненавидел рейхстаг, который отклонял важные для него законопроекты. Но распустить не мог. На выборах 20 февраля 1890 года большинство голосов получила Социал-демократическая партия и образовала крупнейшую фракцию в рейхстаге.

Старший внук британской королевы Виктории, кузен русского царя Николая и британского короля Георга, кайзер жаждал успеха и популярности. Наверное, это главный мотив его поступков.

Обедая с австрийским посланником, кайзер открыл ему

неограниченный кредит – подтвердил, что Вена может рассчитывать на «полную поддержку» Германии, и даже посоветовал Францу-Иосифу I не медлить с атакой на Сербию. Кайзер знал о том, что русской армии недостает артиллерии, что железные дороги в плохом состоянии, и, видимо, исходил из того, что кузену Ники просто не хватит смелости начать войну. И ошибся.

Граф Хойос поспешил вернуться в Вену. Услышав его рассказ о беседе с кайзером, Франц-Иосиф несколько не воодушевился.

– Теперь назад дороги нет, – мрачно сказал он. – Это будет страшная война.

Отныне колебания могли выглядеть как слабость. Начальник канцелярии министерства иностранных дел засел за составление текста ультиматума Белграду, который сербы не примут. Большинство австрийцев одобрило жесткую линию в отношении сербов. Премьер-министра Венгрии графа Тису радостно приветствовали в деревнях, через которые он проезжал на пути в Будапешт.

– Если бы только они знали, как мало я заслуживаю их одобрения, – бормотал он.

6 июля кайзер Вильгельм II отправился из Потсдама в Киль, чтобы сесть на борт своей яхты. Он сделал широкий жест, обещав императору Австро-Венгрии поддержать его в случае войны с Россией. И пребывал в приподнятом настроении. На всякий случай осведомился у военного мини-

стра Эриха фон Фалькенхейна, готова ли армия. Получил утвердительный ответ. Кайзер посоветовал немецкому бизнесу избавиться от иностранных активов.

На борту яхты к нему присоединился Густав Крупп фон Болен, который контролировал значительную часть немецкой промышленности. Кайзер уверенно сказал Круппу, что, если Россия начнет мобилизацию, он объявит ей войну.

И тут его стали одолевать сомнения. А вдруг кузен Ники все-таки поддержит Сербию в случае нападения со стороны Австрии? Кайзер уже не был в таком боевом настроении, как тогда, когда обещал Францу-Иосифу полное содействие. Но разве можно взять свои слова назад? Более всего он боялся обвинений в нерешительности.

Объединенная Германия, которая появилась в 1871 году, ощущала себя в кольце врагов. На этом отрезке своей истории – от Бисмарка до Гитлера – Германия пыталась стать великой державой, независимой от других стран. Историки констатируют, что немецкие политики переоценивали возможности страны.

Сближение с Францией представлялось невозможным, потому что именно единая Германия лишила Францию ведущей роли на континенте. Достаточно долго опирались на Россию. Но русско-германский союз стал невозможным из-за дурных отношений России с Австро-Венгрией. Санкт-Петербург и Вена столкнулись на Балканах. Россия хотела выйти к Босфору, получить доступ к проливам, ведущим в Сре-

диземное море. Бисмарк всерьез думал над тем, не встать ли ему на сторону России, но немцы не поняли бы его, если бы он выступил против Австрии, тем более что в 1894 году Франция и Россия заключили союз.

Могла ли Англия стать союзницей Германии? Это нельзя было исключать. Англия опасалась сильных коалиций в Европе. Она вполне могла принять сторону Германии против франко-российского союза. Но немцы увлеклись антибританской пропагандой. И слишком верили в свой флот. В результате исход Первой мировой можно было предугадать в первый же день войны, когда три крупнейшие европейские державы выступили против Германии.

На две недели кайзер оторвался от европейских дел. Пока однажды вечером – на Балтике стояла прекрасная погода – ему не принесли срочную телеграмму из Берлина. 23 июля Австрия предъявила Сербии ультиматум. Он был сформулирован так, чтобы Сербия не могла его принять. 25 июля Вена разорвала дипломатические отношения с Белградом. Утром 26 июля яхта снялась со стоянки у берегов Норвегии и взяла курс на Киль.

Здесь кайзера ждала телеграмма от канцлера Бетмана. Информирова о последних событиях, канцлер опустил предложение британского министра иностранных дел сэра Эдварда Грея провести конференцию в Лондоне и сообща найти выход из кризиса. Канцлер опасался, что кайзер примет британское предложение и тем самым лишит Австрию воз-

возможности покончить с Сербией...

В тот день, когда убили эрцгерцога, в воскресенье 28 июня 1914 года, в Париже проходили скачки. Президент Франции Раймон Пуанкаре наблюдал за скачками из своей ложи. Фаворитом считалась лошадь барона Мориса де Ротшильда.

В самый разгар скачек посол Австро-Венгрии граф Николаус Сечен фон Темерин принес президенту срочную телеграмму – сообщение о роковом выстреле в Сараеве. Ничто не изменилось в его лице. Граф Сечен фон Темерин вежливо поклонился и покинул ложу.

Гран-при на скачках достался лошади барона Мориса Ротшильда. Президент распорядился подать его экипаж. По дороге в Елисейский дворец он размышлял о предстоящем визите в Санкт-Петербург, значение которого стало куда более важным, чем еще час назад. Если Германия атакует Россию, Франция получит возможность вернуть себе Эльзас и Лотарингию, утерянные в проигранной войне 1870 года.

Президент Раймон Пуанкаре на борту крейсера «Франция» отправился в путь, чтобы повидать в Санкт-Петербурге русского царя. Ему казалось, что Николай II настроен недостаточно решительно. Президент находился в России с 20 по 23 июля. Президент настаивал: с немцами следует быть тверже.

Все понимали, что играют с огнем, но старались извлечь из этой опасной ситуации какие-то выгоды.

Австрия предъявила ультиматум Сербии, когда прези-

дент Пуанкаре уже покинул Санкт-Петербург. Едва президент вернулся в Париж, он попросил премьер-министра Рене Вивиани собрать всех министров. Сообщив, что Россия уже объявила частичную мобилизацию, задал вопрос:

– Если война станет неизбежной, должна Франция обещать России полную поддержку?

Министры высказались за войну. И парижская улица восторженно кричала:

– Да здравствует война!

Потом многие европейцы будут ностальгически вспоминать, как им тогда хотелось жить в Париже. Французы излучали оптимизм. Париж расцвел: театры, дансинги, кабаре, художественные салоны, Всемирная выставка 1889 года, сооружение Эйфелевой башни. Можно ли представить себе литературу и искусство начала XX века без парижских мэтров?

Ни один другой город не любил своих писателей так бурно, и ни один другой город не был любим столь многими писателями. А кто-то смог стать литератором лишь в творческом поле французской столицы. Улицы поют, камни говорят, по выражению одного из влюбленных в Париж: дома словно излучают историю, славу и романтику. Начинающие мастера слова сочиняли свои первые вещи на почтовой бумаге, которую в ту пору держало для своих посетителей любое мало-мальски приличное кафе.

Начало прошлого века – время больших надежд. Даже критически настроенные социалисты, требовавшие ради-

кального переустройства жизни, полагали, что все идет к лучшему и они скоро окажутся у власти – на благо всего человечества...

28 июля Вена объявила войну Белграду.

29 июля российский министр иностранных дел Сергей Сазонов предупредил австрийского посла: частичная российская мобилизация – лишь предупредительная мера. Но в тот же день австрийская флотилия на Дунае открыла огонь по Белграду.

29 июля в четыре часа дня Николай II распорядился о полной мобилизации. 30 июля и 31 июля еще шли какие-то переговоры. Даже германский кайзер Вильгельм II призывал Франца-Иосифа I к сдержанности в отношениях с Сербией. Но утром 31 июля начальник Генштаба генерал Хельмут фон Мольтке телеграфировал своему австрийскому коллеге: «Объявляйте мобилизацию. Мы последуем вашему примеру».

Германские генералы до последнего момента не верили, что Вильгельм все-таки решится на войну. И подталкивали его. Они были полностью уверены в победе. В конце концов кайзер им подчинился. Оказался слабохарактерным человеком. Неуверенный, нерешительный, закомплексованный, кайзер мечтал в результате войны стать фигурой номер один на мировой арене.

Но кайзера беспокоила неясная позиция Англии. Если Англия сможет уговорить Францию воздержаться от под-

держки России, Николай II не захочет вести войну в одиночку и конфликт ограничится рамками Балкан.

Младший брат кайзера принц Генрих Прусский в те дни находился в Англии. Накануне отъезда он встретился со своим кузеном королем Георгом V. Вернувшись в Германию, обрадовал кайзера: в случае европейской войны Британия намерена остаться нейтральной. Но, как скоро выяснится, это было лишь благим пожеланием британского монарха.

Немецкий посол в Лондоне Карл Макс принц Лихновски, опытный дипломат и личный друг британского министра иностранных дел Эдварда Грея, изо всех сил старался уговорить англичан остаться в стороне от континентального конфликта.

Но избежать мирового конфликта не удалось!

1 августа Германия объявила войну России. В пять часов дня собралось высшее немецкое командование, надо было подписать указ о мобилизации. Канцлер принес поразительную новость. Немецкий посол телеграфировал из Лондона (сообщение окажется ошибкой), что британское правительство твердо приняло решение сохранить нейтралитет.

– Шампанского! – распорядился довольный кайзер. – И остановите переброску наших войск на запад.

Кайзер хотел, чтобы войска развернулись с французского направления на восточное и двинулись на Россию. Начальник Генштаба фон Мольтке взорвался:

– Если мы откажемся от выдвижения войск против Фран-

ции, я снимаю с себя ответственность за ведение войны.

Разработанный Генштабом план ведения боевых действий предполагал концентрацию сил сначала против Франции и только затем поворот против России. Одиннадцать тысяч поездов должны были в сжатые сроки перебросить четырехмиллионную армию на западное направление. Сбой расписания грозил хаосом.

Генерал фон Мольтке требовал полной самостоятельности. И именно он единолично командовал вооруженными силами в 1914 году. С балкона своего берлинского дворца Вильгельм произнес прочувственную речь, в которой сказал, что Германии вложили в руки меч, то есть ее заставили вступить в войну.

Самонадеянность Австро-Венгрии и Германии обернулась катастрофой для них самих.

Садисты и богатыри

Первый удар немецких войск пришелся на Бельгию, причиной тому было ее неудачное географическое положение между Францией и Германией. Бельгийский король Альберт I информировал Вильгельма II, что его страна будет придерживаться нейтралитета. Бельгия была признана нейтральным государством еще трактатом 1839 года, который подписала и Пруссия. Но 2 августа Берлин ультимативно потребовал права свободного прохода для своих войск через бельгийскую территорию. Ночью правительство в Брюсселе отвергло ультиматум.

3 августа Германия объявила войну Франции. Лондон предложил Берлину уважать бельгийский нейтралитет. Но немецкие войска уже вторглись на территорию Бельгии. Они не ожидали сопротивления, но гарнизон Льежа сражался отчаянно.

Немецкие артиллеристы сокрушали бельгийские укрепления мощными пушками. От выстрелов «Большой Берты» – 420-мм орудия, самого крупного на тот момент калибра, названного в честь внучки основателя оружейного концерна Альфреда Круппа, – земля дрожала и вылетали оконные стекла. Бельгийские форты были разрушены, немногие выжившие обгорели.

Германская армия наступала, и одиннадцать миллионов

французов и бельгийцев оказались в оккупации. Немцы обижено заявляли, что в них стреляет мирное население, а это нарушение правил. Грозили: мирное население будет наказано. На самом деле никаких снайперов в гражданской одежде не существовало – от немцев отстреливались разрозненные группы французских и бельгийских солдат, пробиравшиеся к своим.

Множество войн велось в истории – по разным причинам. Война, разразившаяся в Европе летом 1914 года, была бессмысленной; чтобы ее оправдать, противостоящие стороны сразу же попытались придать ей идеологическое измерение. Первая мировая – время неограниченного мифотворчества: с одной стороны, живописались зверства, которые творят враги-садисты, с другой – воспевалось благородство собственных чудо-богатырей в армейских шинелях.

В странах Антанты рассказывали, что немецкие солдаты, захватив Бельгию, закалывали штыками детей, а в самой Германии открылась фабрика, на которой из трупов делают колбасу. Население Бельгии составляло семь миллионов, из них полтора миллиона бежало от наступавших немецких войск.

Французы печатали фотографии сожженных церквей. «Солдаты кайзера, – писала парижская газета, – исполняют свое разрушительное дело с удовольствием и изощренностью лютых и бессердечных дикарей». Все немецкое оказалось под запретом. Баха и Бетховена не исполняли. В школах

не изучался немецкий язык.

В Соединенных Штатах «франкфуртеры», сосиски, названные в честь немецкого города Франкфурт, переименовали в «сосиски свободы». И знаменитые бутерброды перестали называть «гамбургерами», поскольку это слово напоминало о другом немецком городе – Гамбурге!

Пропаганда союзников возмущалась мерзкими преступлениями «гуннов». В странах Антанты громили магазины и рестораны, принадлежавшие немцам. Один британский публицист призывал своих читателей: «Если вы, сидя в ресторане, обнаружили, что обслуживающий вас официант – немец, выплесните суп прямо в его грязную рожу».

Молодой писатель Илья Эренбург писал из Франции 19 июля 1915 года поэту Максимилиану Волошину: «Читаю *Petit Nicois*. Вчера была передовая статья на тему о запахах немцев. Автор уверяет, что немки издают особый, невыносимый запах и что в школе парты, на которых сидели немцы, приходится сжигать».

Врага рисовали нелепым и жалким. Это помогало солдатам преодолеть страх, исполниться уверенностью в собственном превосходстве над неприятелем. Или же, напротив, врага наделяли дьявольскими чертами, дабы пробудить ненависть.

Немцы были во власти паранойи. Писали, что придется выбить из французов «шовинизм и национальное высокомерие». Из уст в уста передавались рассказы о том, что фран-

цузы отрезают немцам уши и носы. Значит, никакой пощады врагу! Старались террором запугать мирное население. Несколько сот бельгийцев казнили. Расстрельные команды кололи тела штыками, проверяя, мертвы ли. Трупы сбрасывали в реку. 180 тысяч бельгийцев бежали в Англию. Они рассказали о варварстве бошей. Французские католики именовали немецкую армию «армией Люцифера».

Известный американский журналист Гаррисон Солсбери был тогда мальчиком: «Я верил всем придуманным англичанами рассказам о жестокостях немцев – о монашенках, которых привязывали вместо языков к колоколам, об отрубленных руках маленьких девочек – за то, что они кидали камнями в немецких солдат... В письме от тетушки Сью из Парижа сообщалось об отравленных шоколадках, и мне было велено никогда не брать шоколад у незнакомых людей на улице. Тетушка Сью писала отцу, что немецкие шпионы зарылись так глубоко, что потребуются годы для их обезвреживания».

В первые дни войны бельгийская армия, отступая, отошла в Антверпен. Немецкие войска одиннадцать дней осаждали город. Когда его все-таки взяли, немецкая газета «Кёльнише цайтунг» порадовала читателей: «В честь падения Антверпена и торжества нашей армии прозвучат колокола». Само собой разумелось, что колокола будут звонить немецкие и в Германии – в честь победы.

Но французская газета «Матэн» иначе истолковала это сообщение: «Согласно «Кёльнише цайтунг», служителей церк-

ви города Антверпена заставили звонить в колокола, когда город был взят».

Информация «Матэн» не прошла незамеченной в редакции лондонской «Таймс». Сославшись на «Матэн», она написала: «Бельгийские священники отказались звонить в колокола в честь сдачи немцам Антверпена, после чего их лишили права служения».

Итальянская «Коррьера делла сера» заметила эту публикацию: «Британская «Таймс» сообщает, что несчастные священники, которые отказались звонить в колокола по случаю сдачи Антверпена, приговорены немцами к каторжным работам».

Теперь вновь выступила парижская «Матэн». Круг замкнулся. «Согласно «Коррьера делла сера», – негодуя, писали французские журналисты, – немецкие варвары, захватившие Антверпен, повесили несчастных священников на колоколах головой вниз, – как подвешивают настоящие языки колоколов. За их героический отказ звонить в колокола в честь сдачи города».

Несмотря на потерю близких, артиллерийские бомбардировки, первые авианалеты, сожженные дома, нехватку самого необходимого, большинство граждан до самого конца верили в правоту своей страны. В этой войне все считали, что обороняются от агрессора.

Одна из причин – искусная манипуляция людьми со стороны правительств, которые доказывали, что их дело пра-

вое. Правительства воюющих стран использовали весь имеющийся арсенал – плакаты, листовки, газеты, журналы, кинофильмы – для влияния на публику. Искали надежное оружие воздействия на умы и сердца.

К июню 1915 года британское бюро военной пропаганды выпустило книги, официальные документы, памфлеты и речи политиков тиражом в два с половиной миллионов экземпляров на семнадцати языках. Руководитель бюро пользовался советами таких мастеров слова, как Артур Конан Дойл и Редьярд Киплинг.

Стали очень популярны карикатуры. Иллюстрированные журналы процветали. Камеры еще были редкостью (кстати, солдаты охотно платили, чтобы их сфотографировали, – главным образом хотели послать снимок семье, дабы дома уверились, что их сын или муж еще жив). Но черно-белые снимки в журналах казались скучноватыми, а цветные карикатуры нравились, можно было посмеяться – над собственными политиками или над врагами. Издевки над противником, прямые оскорбления вождей противостоящего лагеря утешали.

Юный Владимир Маяковский к своим плакатам сочинял четверостишия:

Австрияки у Карпат
Поднимают благой мат.
Гнали всю Галицию
Шайку глуполицую.

Карикатуры стали оружием пропаганды. По ту сторону океана американские художники рисовали немцев чудовищными убийцами, которые угнетают малые страны Европы и творят невероятные преступления против мирного населения; тем самым они помогли США вступить в войну.

В сентябре 1916 года управляющий отделом печати МИД Александр Иосифович Лысаковский отправил письмо директору дипломатической канцелярии при Огавке Верховного главнокомандования Николаю Александровичу Базилу: «Вследствие переданного Вами желания г-на начальника Штаба верховного главнокомандующего быть осведомленным о настроениях в заграничном общественном мнении путем доставления вырезок наиболее интересных статей, появляющихся в зарубежной печати, почитаю долгом представить справку о расходах, вызываемых просмотром газет для Дипломатической канцелярии при Штабе верховного главнокомандующего:

месячный гонорар вольнонаемному чтецу – 200 руб.

то же второму – 150 руб.

барышни для наклеек – 75 руб.

выписывание газет согласно списку – 300 руб.».

Телевидение еще не придумали. Радио и кинематограф не играли столь важной роли, как ныне. Хотя обе стороны снимали пропагандистские фильмы. Например, появилась лента о том, как немцы на оккупированных территориях рас-

стреливают население, в том числе сестер милосердия. Когда фильм попал в Соединенные Штаты, он произвел сильное впечатление на американцев.

Сегодня новости смотрят не выходя из дома. В Первую мировую, чтобы познакомиться с выпуском новостей, шли в кинотеатры. Это были часовые программы: новости, развлечения и путешествия – все вместе. Благодаря кинодокументалистам люди впервые смогли увидеть тех, о ком прежде только читали в газетах, сильных мира сего – монархов, политиков и генералов. Развлекательных сюжетов было больше, чем репортажей с поля боя. Кинокамеры были тяжелыми, с такими не набегашься, поэтому их устанавливали в удобном месте и снимали парады, спортивные соревнования и королевские свадьбы.

После начала войны британский военный министр фельдмаршал лорд Гораций Герберт Китченер ввел цензуру: запретил снимать боевые действия и солдат в окопах. Такие же ограничения ввели и немцы. По мере того как война затягивалась и число жертв росло, обе стороны осознали пропагандистскую ценность кинохроники. В 1916 году британское командование организовало съемки битвы на Сомме. Фильм увидели двадцать миллионов зрителей. На следующий год британское правительство купило кинокомпанию, которая получила эксклюзивное право на съемки фронтовых операторов.

В январе 1916 года министр иностранных дел Сазонов

обратился к начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Михаилу Васильевичу Алексееву:

«Широкое распространение, полученное кинематографом, выдвинуло его значение как весьма действительного способа воздействия на общественное мнение. Во вверенном мне министерстве возникло предположение использовать этот способ влияния на общественное мнение в наших интересах и, в первую очередь, применить его в Румынии, а затем в Швеции и в Соединенных Штатах.

Успешное распространение лент возможно при условии предоставления их владельцам кинематографов безвозмездно или за дешевую плату. Организация дела требует таким образом известного ассигнования. Имею честь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с просьбой о содействии скорейшему разрешению денежной стороны дела».

Но главную роль сыграли плакаты. Именно они сильнее всего влияли на простых людей. Они были повсюду – на станциях, на городских улицах, в автобусах. В каждой стране художники придерживались своего стиля и дизайна. Но одно было общим – стремление сплотить людей, поддержать их уверенность в собственной правоте и неминуемой победе. Не стеснялись пользоваться эмоциональным шантажом. В 1915 году выпустили плакат, на котором дети спрашивали отца: «Папа, а что ты делаешь для Великой войны?»

«Ты нужен своей стране!» – этот призыв военного министра лорда Китченера – один из самых ярких примеров

военной пропаганды. Так же как плакат 1917 года американского художника Джеймса Монтгомери Флэгга, на котором Дядюшка Сэм указывает пальцем на зрителя и говорит: «Ты нужен мне для армии США»; это был призыв записываться добровольцем в вооруженные силы. Причем в образе Дядюшки Сэма художник изобразил самого себя. Плакат разошелся четырехмиллионным тиражом. Образ оказался настолько успешным, что использовался и во Вторую мировую.

При этом к живописцам относились с недоверием. Бдительные люди доносили в полицию на художников, подозревая в них немецких шпионов, которые рисуют объекты военного значения – укрепления, железнодорожные вокзалы и казармы. Мало того, всем казалось, что художники не заняты важным делом оборонного значения, отлынивают от общественного труда, не вносят своего вклада в общие усилия.

В Англии несколько известных художников были задержаны агентами Скотленд-Ярда, которые искренне считали их немецкими шпионами. В стране в первый месяц войны возбудили аж девять тысяч дел по обвинению в шпионаже! Но так много шпионов не бывает. В конечном счете осудили 29 человек. Остальные случаи были плодом возбужденного воображения.

За всю войну в Тауэре казнили одиннадцать шпионов. На рассвете 6 ноября 1914 года Карл Ханс Лоди, обер-лейтенант германской военно-морской разведки, был расстрелян в Тау-

эре за шпионаж в пользу кайзера. Первая казнь в Тауэре за сто лет. Вторым казнили другого пойманного агента – Карла Фредерика Мюллера, который писал донесения в Германию лимонным соком, чтобы цензор не смог прочитать.

Всего Германия направила в Англию 120 агентов, поймали 65. Первых шпионов судили открыто, это возбудило еще более сильные враждебные чувства среди англичан: значит, враги среди нас! Штат контрразведки МИ-5 был увеличен в несколько раз и достиг 844 человек. Во время войны создали и секретную разведывательную службу МИ-6.

Особо берегли шифры. В начале 1915 года министр иностранных дел Сазонов инструктировал все дипломатические представительства России: «Возникла настоятельная необходимость обставить в наших заграничных установлениях охрану секретнейших документов и ключей. Надлежит иметь в виду обеспечение этих материалов не столько от покражи, сколько от кратковременной выемки, особенно в ночное время, для снятия с них фотографии. Секретнейшие документы и шифры в наших посольствах и миссиях должны храниться в железных шкапах или безопасных комнатах. Шкапы или замки не должны быть ни германской, ни австрийской выделки, ни местного производства».

Силы были равны

Никто не предполагал, что война затянется. Но тщательно разработанные Генштабами планы рухнули в первые же месяцы. Силы противостоящих блоков оказались примерно равными. Расцвет новой боевой техники множил число жертв, но не позволял сокрушить врага и продвинуться вперед. Обе стороны сражались ради победы, но ни одна наступательная операция ни к чему не привела.

Битва на Сомме продолжалась четыре с половиной месяца. Заплатив жизнями шестисот тысяч солдат и офицеров, Франция и Англия отвоевали десять километров! Триста тысяч погибли под Верденом, а линия фронта практически не изменилась. Почти полмиллиона русских солдат погибли, были ранены или попали в плен летом 1916 года в ходе Брусиловского прорыва к востоку от Львова, а отвоевали не больше ста километров.

Верден – укрепленный пункт французской армии, вдававшийся в расположение немецких войск. Под Верденом немецкие артиллеристы выпустили в первые восемь часов сражения два миллиона снарядов. Но когда немецкие солдаты перешли в наступление, они наткнулись на сопротивление французских пехотинцев, которые пережили артподготовку и сражались отчаянно.

После трех дней боев немцы торжествовали победу. Коло-

кола звонили! Но рано. 6 октября 1916 года Верден отбили. Теперь победу праздновали французы. Потери обеих сторон были равноценны. Но немцам, имевшим слабых союзников, нечем было их восполнить. Со стратегической точки зрения не имело никакого смысла жертвовать сотнями тысяч своих солдат ради захвата укреплений вокруг Вердена. Но равным образом не стоило и жертвовать людьми ради их удержания...

– Испытанный французской армией урон особенно чувствителен ввиду сравнительной скудости населения Франции, – признался российским дипломатам в Петрограде посол Морис Палеолог.

Под Верденом по разные стороны линии фронта сражались молодые офицеры – немец Фридрих Паулюс, будущий генерал-фельдмаршал вермахта, который во Вторую мировую дойдет до Волги и будет пленен в Сталинграде, и француз Шарль де Голль, который возглавит антинемецкое Сопротивление, а со временем станет президентом страны.

Командовал обороной Вердена генерал Анри Филипп Петен, ставший национальным героем. Во Второй мировой он испугается повторения такого же кровопролития, потому решит капитулировать перед наступающим вермахтом и покроет себя позором.

В 1916 году потребности войны превысили демографические и экономические возможности стран продолжать ее. В Германии, Франции и Австро-Венгрии под ружье поставили

80 процентов мужчин, годных к воинской службе. Целое поколение было отправлено на поля сражений.

Усташи и четники

Территорию Сербии оккупировали войска Четверного союза. 29 октября 1915 года правительство Сербии приняло решение отвести остатки армии через территорию Черногории и Албании к побережью Адриатического моря.

29 декабря 1915 года посланник России в Сербии телеграфировал министру Сазонову:

«Председатель Совета министров Никола Пашич настаивает на немедленной посылке возможно большего количества транспортов, дабы спасти сербскую армию.

Сербская армия, лишенная боевых припасов, не способна оказать сопротивление движению австрийцев, к коим, вероятно, присоединятся албанцы и болгары. Пашич заявил, что, пока значительная часть войск, от 20 000 до 30 000, не будет посажена на суда, правительство не может уехать. Мои коллеги и я единодушно оцениваем положение как крайне критическое, и мы считаем необходимым самым энергичным образом настаивать на безотлагательном принятии мер к немедленной отправке морем сербской армии».

Сербов эвакуировали на остров Корфу, а в мае 1916 года перевезли в Салоники. Во время отступления сербская армия потеряла половину личного состава – больше 200 тысяч.

Население Сербии до Первой мировой составляло четыре с половиной миллиона человек. В войну четверть погибла.

Из них 400 тысяч умерли от болезней, холода и голода. Пропорционально численности населения – чудовищные потери! Ни один другой народ не понес такие жертвы.

В порядке компенсации после войны державы-победительницы создали Королевство сербов, хорватов и словенцев. Объединили пятнадцать этнических групп и три конфессии (католицизм, православие и ислам). Это был смелый шаг. Южные славяне, разделенные между двумя империями – Османской и Австро-Венгерской, – раньше не жили вместе. Сербь оказались в одном государстве с теми, против кого только что сражались.

Британский ученый-балканист констатировал в 1928 году: «Я лично склоняюсь к мысли оставить сербов и хорватов вариться в собственном соку! Думаю, что и те и другие сошли с ума и дальше своего носа не видят».

Не очень-то они все поладили. Еще во время Первой мировой русский дипломат Михаил Николаевич Гирс предупредил министра иностранных дел Сергея Дмитриевича Сазонова:

«С разгромом австро-венгерских войск и с крушением двуединой государственной власти этой монархии естественно возникнет во всем его объеме срочный вопрос о дальнейшей судьбе входящих в ее состав народов.

Если исключить из счета поляков, для которых намечается полное объединение, и мадьяр, имеющих известную государственную организацию, останутся, так сказать, висеть

на воздухе нижеследующие народные группы, занимающие определенные области:

чехи с мораванами и словаками

сербы и хорваты

словенцы

румыны

немцы

итальянцы...

Уже теперь имеется немало данных, заставляющих предвидеть, что, например, планы о создании великой Сербии под главенством Белграда могут потерпеть крушение не под давлением внешних воздействий, вследствие внутренних разногласий. Ярko обнаружился дух политического «бандитизма», порой грубого, порой утонченного, присущего всем без исключения народам балканских государств, не говоря уже о проявленной ими зверской жестокости, посеяно между ними так много злобы и вражды...»

Во Вторую мировую сербы, хорваты, босняки и албанцы ожесточенно убивали друг друга...

Единая Югославия весной 1941 года была разгромлена частями вермахта. Хорваты с благословения Адольфа Гитлера создали собственное государство. Его возглавил Анте Павелич, основатель Повстанческой хорватской революционной организации (Усташа хрватска револуционарна организација). Его сторонников называли усташами. Сербы именovali их «кровавыми усташами».

В свою очередь, хорваты именовали сербов «кровавыми четниками» (от слова «чета» – отряд). Четники, сторонники монархии, сражались против немцев. В отрядах четников воевал Караджич-старший, отец Радована Караджича, который в конце XX века станет президентом непризнанной республики боснийских сербов.

И сербы, и хорваты говорили себе, что воюют против дьяволов во плоти. Во время Второй мировой войны в Югославии погиб миллион человек. Большинство было убито не немцами, а своими, недавними соседями и согражданами.

После 1945 года единое государство получило еще один шанс. Глава социалистической Югославии Иосип Броз Тито повернулся лицом к Западу, открыл границы и сделал свою страну самой процветающей в этой части Европы.

Тито заставил националистов замолчать. Надеялся, что с годами память о пролитой крови исчезнет, национальные чувства остынут, люди привыкнут жить вместе. Но молчание – не лучший способ разобраться с прошлым. Запрет откровенно говорить о прошлом привел к тому, что история превратилась в набор опасных мифов. Люди тайно читали псевдоисторические книжки и изумленно говорили: «Так вот, значит, как было! Значит, они всегда нас убивали!» Вместо того чтобы разобраться с прошлым, выяснить историческую правду и примириться, люди черпали в запрещенной истории ненависть и исполнялись желания рассчитаться со старыми обидчиками.

Единая Югославия существовала, пока был жив Тито. После его смерти во весь голос заговорили националисты. А возразить им было некому. В свое время Тито железной рукой задавил демократически мыслящую интеллигенцию. И Югославия стала рассыпаться.

Нелепо полагать, будто страна была обречена на этнический конфликт и иной вариант развития Югославии невозможен. Однако Тито упустил возможность модернизировать страну, оставив ее в руках партийных чиновников. На их фоне все симпатии толпы достались яростным националистам. Создалась целая шовинистическая культура, в которой наука, литература и журналистика были заняты исключительно созданием националистических мифов. Здесь во всех проблемах обвиняют врагов. Собственных ошибок и тем более преступлений не признают.

Можно сказать, что народы Югославии были преданы своей интеллигенцией, которая идеологически подготовила новую войну, начавшуюся в 90-х годах.

Республики могли бы разойтись мирно. Возможно, кто-то предпочел бы переселиться из одной республики в другую, дабы чувствовать себя комфортно. Но обошлось бы без человеческих жертв. Кровопролитие не было неизбежным. Войну в 90-х годах породили не вековая вражда, не религиозно-этнические различия, не исторические споры, а стратегия политиков и генералов, которые увидели в хаосе распада редкую возможность сделать политическую карьеру.

Автор этих строк не может не поделиться личными впечатлениями.

В 1993 году я оказался в Вуковаре, где только что закончились бои. Раньше Вуковар был городом. После того как в распадавшейся Югославии стали выяснять, кто серб, а кто хорват, Вуковар превратился в развалины.

Взрывая дом за домом, сербы выбивали хорватов из Вуковара. По опустевшему городу бродили только брошенные собаки, кошки и свиньи. Артиллерийским выстрелом сбило статую, изображавшую мужчину и женщину. Казалось, что женщина гладит распростершуюся по земле фигуру павшего мужчины. На одном из разрушенных домов чудом сохранилась табличка с названием улицы. Она носила имя Гаврилы Принципа.

Сербы, хорваты и босняки

Босния и Герцеговина была одной из шести республик, составлявших единую Югославию. Ее населяют сербы, хорваты и босняки, исповедующие ислам. Иосип Броз Тито признал боснийских мусульман самостоятельной нацией, хотя сербы уверены, что босняки – те же сербы, которым во время владычества Оттоманской империи пришлось принять ислам. Хорваты точно так же убеждены, что босняки – это хорваты-мусульмане.

«Босняки – люди, не потерявшие славянскую кровь, но приобретшие мусульманство», – писал о них когда-то российский посол при Оттоманской империи.

А боснийские мусульмане гордо говорят: не называйте нас мусульманами, мы боснийцы, босняки. Они единственные хотят сохранить единое государство Босния и Герцеговина, которое соседи считают искусственным образованием, не имеющим права на существование. Сербы обижены на своего бывшего вождя Иосипа Броз Тито, который после войны мог просто присоединить Боснию к Сербии, но не сделал этого. Хорваты же полагают, что Босния должна быть частью Хорватии.

Когда единая Югославия стала разваливаться, обрести самостоятельность захотела и входившая в ее состав Босния и Герцеговина, где сто лет назад вспыхнула Первая миро-

вая война. Но боснийские сербы и боснийские хорваты не признали новую республику. Лидеры боснийских сербов не пожелали жить в единой Боснии и Герцеговине. Отказались участвовать в общепоснийских выборах и образовали никем не признанную Сербскую республику. Сербь взялись за оружие, чтобы присоединить эти земли к Сербии, хорваты – чтобы увеличить Хорватию:

– Зачем нам быть меньшинством в вашем государстве, когда вы можете быть меньшинством в нашем государстве.

Президент республики психиатр Радован Караджич торжественно говорил:

– Шестьсот лет длятся страдания разделенного сербского народа. Слышатся стенания частей, отделенных от целого, и тоскует целое по своим отделенным частям, как тоскуют сироты по матери и как тоскует мать по утерянным детям. Сербия – это мировое чудо. Это скала, о которую разбиваются империи и мировые порядки.

Наука войны усваивается легко. Взрывной балканский характер заставляет братья за оружие в ответ на сообщения о смерти близких, родственников, соседей. Это в основном сельские люди. Для них важны семейные отношения. Они привыкли мстить за обиду, нанесенную родственнику. Ничто не прощается.

По степени жестокости война на Балканах в конце XX века не знала себе равных. Массовые убийства, уничтожение мирного населения и обстрелы городов стали методом

ведения боевых действий. Вырезали целые семьи и деревни. Маленькие дети тоже считались врагами – они же вырастут и возьмут в руки оружие. Даже изнасилование женщин превратилось в инструмент войны. Полевые командиры полагали, что лучше изнасиловать, чем убить, поскольку это оскорбляет честь всей нации. На Балканах мужчина не способен простить женщину, которая подверглась насилию. И себя не может простить – за то, что не сумел ее защитить!

Сербскую армию возглавил генерал Ратко Младич, который в принципе не признавал права Боснии на существование: все земли, на которых живут сербы, принадлежат Сербии. Первые два года военное счастье было на стороне сербов. Но Караджич и Младич не сумели воспользоваться победами своих войск. Они упрямо отвергали любые разумные предложения международных посредников, в том числе России, и упустили момент, когда могли подписать мир на выгодных условиях.

А противники окрепли и перешли в наступление. Тогда президент Сербии Слободан Милошевич заставил боснийских сербов согласиться на худшие условия; им пришлось удовольствоваться скромной автономией в составе Боснии и Герцеговины. Караджич и Младич кажутся патриотами, которые сражались ради своего народа. В реальности по их вине и люди погибли, и боснийские сербы лишились того, на что имели полное право.

На родине Гаврилы Принципа

Гаврило Принцип родился в местечке Босанско-Грахово в западной части Боснии и Герцеговины, неподалеку от города Братунац. Здесь, между городами Братунац и Сребреница, произошла одна из самых страшных трагедий войны 90-х.

Глава боснийских сербов Радован Караджич говорил, что сербы должны остаться одни, дабы избавиться от кошмаров прошлого. В первые годы войны боснийские сербы наступали и занимали территории, мусульмане бежали. Число беженцев-босняков достигло миллиона.

ООН создала четыре зоны безопасности в Боснии – Сараево, Горажде, Жепа и Сребреница. Многие мусульмане нашли убежище в Сребренице, где их охраняли 370 голландских солдат из батальона войск ООН по поддержанию мира.

В июле 1995 года сюда вошли войска командующего армией боснийских сербов генерала Ратко Младича. Голландские миротворцы добились только разрешения увезти женщин. Мужчин и подростков генерал Младич не отпустил. Тысячу расстреляли сразу же при попытке к бегству. Остальных увели и убили в разных местах. Потом, чтобы скрыть следы преступлений, трупы вырывали и закапывали в старых могилах вдоль реки Дрина. Теперь это место называют Долиной Смерти.

Год спустя началось вскрытие братских могил. Обнаружи-

ли трупы со связанными руками. По мнению следователей Международного трибунала, созданного решением Совета Безопасности ООН для расследования преступлений на территории бывшей Югославии, убийство происходило с «невиданной жестокостью». Это первый официально признанный акт геноцида после Второй мировой.

Много лет продолжалась эксгумация и антропологическая экспертиза. Останки людей, найденные в тайных захоронениях, доставляют в Тузлу. Здесь Международная комиссия по розыску пропавших собрала образцы ДНК родственников тех, кого убили в Сребренице. Уже удалось идентифицировать семь тысяч тел. Всего, установили эксперты, в Сребренице нашли свою смерть 8372 человека.

Правительство Нидерландов во главе с премьер-министром Вимом Коком ушло в отставку, приняв на себя ответственность за то, что голландские солдаты не защитили людей от расправы. Долго скрывавшиеся генерал Ратко Младич и бывший глава боснийских сербов Радован Караджич были найдены и предстали перед Международным трибуналом.

Страна ненависти и страха

После распада Югославии несколько миллионов сербов оказались вне Сербии, на территории разных республик. Какой был выбор? Примириться с реальностью. Уехать. Или сражаться за воссоединение с Сербией.

Выбрали третий вариант: где живут сербы, там сербская земля. Война продолжалась несколько лет. Количество убитых исчисляется десятками тысяч. Потери для экономики чудовищны.

В это трудно поверить, но на Балканах прошлое так властно над людьми, что легко возбудить старые страхи и старую ненависть. В этой одержимости историей есть что-то мистическое.

– Хорваты варили суп из наших ребят, – рассказывают сербские журналисты, когда спрашиваешь их, что они вспоминают о Первой мировой.

«Босния – страна ненависти и страха, – говорит герой рассказа знаменитого югославского прозаика и нобелевского лауреата Иво Андрича. – Людей, готовых в приступе неосознанной ненависти убить или быть убитыми по любому поводу и под любым предлогом, в Боснии и Герцеговине больше, чем в других, куда более значительных по территории и населению странах... Эту специфическую боснийскую ненависть следовало бы изучать и искоренять, как опасную и глу-

боко укоренившуюся болезнь. Будь ненависть признанной болезнью, как, например, проказа, иностранные специалисты приезжали бы изучать ненависть именно в Боснию».

Но здесь не хотят говорить об этой ненависти. Предпочитают твердить о темных силах за сценой. И не вспоминают, что именно боснийский серб Гаврило Принцип разжег когда-то мировой пожар. Напротив, восхищаются подвигом своего самого знаменитого соотечественника, почитают его как борца за свободу, носителя национальных и антиимпериалистических идей.

Ровно через сто лет после убийства эрцгерцога и его жены в восточной, сербской части Сараева воздвигли памятник Гаврило Принципу. 28 июня 2014 года его открыл президент Республики Сербской Милорад Додик:

– Наша борьба за свободу была праведной и законной. И все борцы за свободу сербского народа заслуживают светлой памяти.

Республика Сербская – автономия в составе Боснии и Герцеговины, которую Милорад Додик называет «дьявольским государством».

Республика Сербская (она получила 49 процентов общей территории) и Федерация Босния и Герцеговина (51 процент территории) образовали конфедерацию. Органы управления единого государства: президиум (из трех сопредседателей – серба, босняка и хорвата) и двухпалатный парламент из представителей обоих национальных формирований, по-

лучивших широкую автономию. Это не самое счастливое государство, но, по крайней мере, здесь больше не убивают.

Только со стороны трагедия южных славян кажется частью большой геополитической игры. В реальности виновны их собственные идеологи, политики и генералы. Распад страны открыл перед ними уникальные возможности, вчерашние психиатры становились президентами, а младшие офицеры – главнокомандующими. Но к чему привела их политика?

Они проиграли все войны, которые вели! За годы, когда они находились у власти, территория, на которой сербы могут чувствовать себя свободно и уверенно, постоянно сокращалась. Сербия утратила и то, чем владела до начала Первой мировой, – Македонию, Косово, часть Черногории...

При Тито Югославия была самой успешной из всех стран Восточной Европы. Если бы его наследники не передрались, южные славяне давно бы вошли в Европейский союз. До войны сербы были самым процветающим народом на Балканах, а остались у разбитого корыта – с чувством ущемленной национальной гордости и горечью за постоянные поражения и провалы.

Бюст от Кустурицы

Бюст Гаврилы Принципа поставили в апреле 2014 года. Популярный и за пределами родной страны кинорежиссер Эмир Кустурица восторженно расцеловал металлического Принципа: – Этот человек принес рабам свободу!

Эмир Кустурица требует пересмотра судебного приговора, вынесенного Принципу, и его полной реабилитации. Сербские историки и деятели культуры повторяют:

– В Первую мировую наша страна была испытательным полигоном, на котором великие державы мерились силами. Во всем виновата ненависть Германии к Сербии.

Гаврило Принцип удостоился памятника в родных краях, хотя от дома, где он вырос, ничего не осталось. Говорят, дом взорвали партизаны во время Второй мировой. А в 1995 году, во время югославской войны, весь город был почти полностью уничтожен. Воевали соседи. Улица на улицу, дом на дом, этаж на этаж. Дрались жестоко, обезумев от пролитой крови. Теперь они сидят в уличных кафе или на скамейках, бесцельно бродят по разрушенному городу. Хорваты в своей части города, мусульмане в своей, сербы в своей. Они предпочитают не встречаться. Все хотят жить отдельно. И у всех своя правда: у сербов, у хорватов и у босняков.

А в столице, в Сараеве, живет внучатый племянник убийцы эрцгерцога. Его тоже зовут Гаврило Принцип. Он восхи-

щается знаменитым предком:

– Неужели теперь, когда единой Югославии больше нет, мы должны считать его террористом?

Боснийские сербы не хотят говорить о том, что их соотечественник разжег мировой пожар. Ощущают себя жертвой заговора темных сил. Почитают Принципа как борца за национальную идею. В сотую годовщину убийства эрцгерцога и его жены, 28 июня 2014 года, руководители боснийских сербов открыли в сербском районе Сараева памятник Гавриле Принципу. В одном из кафе по соседству можно увидеть его большой портрет. И прочитать его грозное предупреждение: «Наши тени пройдут по Вене».

Балканы за последнее тысячелетие жили в мире не больше ста лет.

Распад и развал империи

Что касается Австро-Венгрии, которая решила наказать Сербию, то она просто исчезла с политической карты мира.

Австро-Венгрия начала разваливаться еще до Первой мировой войны. Поляки, чехи, сербы – все желали иметь собственное государство. Вена постепенно уступала, сохраняя только фасад империи.

– Моя задача, – сказал император Франц-Иосиф I одному американскому гостю накануне войны, – состоит в том, чтобы оберегать мой народ от политиков.

Император не доверял политикам, потому что главную опасность для Австро-Венгрии представлял национализм.

4 ноября 1916 года Франц-Иосиф I подписал рескрипт об образовании самостоятельного Польского королевства и о самоуправлении Галиции – в надежде привлечь к себе симпатии поляков и галичан, то есть западных украинцев. Но было поздно.

На третий год войны полмиллиона солдат Австро-Венгерской армии попали в плен, миллион погиб или пропал без вести. Презрение правящего слоя к своим солдатам обрекло австро-венгерскую армию на поражение. Солдаты вели себя как герой романа Ярослава Гашека бравый Швейк: с нарочитой готовностью бросались исполнять любое приказание, а на самом деле ничего не делали и совершенно не хотели

воевать.

Империя голодала.

«По примеру Германии в Австрии введена хлебная карта, причем на каждого жителя приходится в неделю 1960 граммов хлеба или 1400 граммов муки, – сообщало в МИД российское представительство в Берне. – Цифра эта совершенно теоретическая, ибо в большинстве случаев булочники не имели необходимого количества хлеба.

Цены на мясо совершенно недоступны, а сало почти что отсутствует. Правительство с июля 1915 года ввело два дня – вторник и пятницу, когда запрещена продажа и подача в ресторанах мясных продуктов. С молоком дело обстоит еще хуже. Большинство коров побито для мяса. В Вене подача молока и сливок во всех кофейнях и ресторанах запрещена. Для новорожденных детей не хватает молока».

У единой Австро-Венгрии не осталось ни одного шанса, когда Франц-Иосиф I, символ империи, умер поздно вечером 21 ноября 1916 года. Имперская эпоха закончилась.

Право наследовать трон после убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда перешло к его племяннику Карлу, малоизвестному в стране. Он еще осенью 1911 года женился на Зите Бурбон-Пармской. У них в ноябре 1912 года появился первенец – Отто фон Габсбург, он стал кронпринцем. Всего Зита родила восьмерых детей.

Сразу после смерти дяди, 21 ноября, Карл I объявил себя императором. Вступая на престол 30 декабря, он возложил

на себя две короны: австрийскую и венгерскую. Но последний император Австрии и король Венгрии Карл I уже мало что мог изменить. Спасти Австро-Венгрию могла только победа в войне. А поражение нанесло ей последний удар.

– Мы были обречены на смерть, – говорил министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Отокар Чернин, – и мы могли выбрать, как мы хотим умереть. Мы выбрали самый ужасный путь.

Карл был нерешителен, хотя и пытался спасти империю.

«Если монархи Центральной Европы, – предсказывал граф Отокар Чернин, – не заключат мир в ближайшие несколько месяцев, народы сделают это сами и без них».

Чернин телеграфировал императору: «Я боюсь, что уже поздно предотвратить катастрофу в сфере продовольствия, которую мы должны ожидать в ближайшие же дни. Нам не хватает по крайней мере тридцати тысяч вагонов зерна, без которых мы просто должны погибнуть. Через несколько дней остановятся наша военная промышленность и железные дороги, снабжение армии станет невозможным, армию ждет катастрофа».

Боевой дух Австро-Венгерской империи окончательно пал летом 1917 года. За три года войны полмиллиона солдат австро-венгерской армии попали в плен, миллион погиб или пропал без вести. Император Карл предупредил кайзера, что собирается просить мира. Тот пытался его остановить. Но Карл вступил в тайные переговоры с Антантой. Надеялся за-

ключить сепаратный мир и вывести страну из войны. Тайные переговоры шли в Берне, где работал будущий главный американский разведчик Аллен Даллес. Но Антанта не хотела сепаратного мира. Предложение отвергли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.